

УДК 811.161.1

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ
В ФОРМАХ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ**

Е.С. Панькова

Аннотация

Статья посвящена определению роли лексических факторов в развитии вариантных форм родительного падежа множественного числа существительных в русском языке. Рассматриваются лексико-тематические группы имен существительных, наиболее ярко отражающие данное взаимодействие.

Ключевые слова: родительный падеж, лексико-тематические группы существительных, вариантность флексий.

В современной русистике усиливается интерес к такой области науки о языке, как лексическая грамматика. Основной задачей данного междисциплинарного уровня языкознания является определение роли лексических факторов в развитии морфологических категорий. Лексическая грамматика оказывается закономерным этапом развития традиционной и функциональной грамматики и предполагает рассмотрение грамматических форм с особым вниманием к их лексической семантике. По словам В.В. Виноградова, «изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета лексических и грамматических значений невозможно» [1, с. 16]. Существующее в языке взаимодействие лексики и грамматики отмечали и представители Казанской лингвистической школы: «Слово, как известно, возникает в единстве его грамматических и лексических признаков, то есть, выражая определенное лексическое значение, объединяясь с другими словами в семантические группы и т. д., оно, вместе с тем, включается в определенные грамматические разряды, так или иначе воздействуя на развитие соответствующих грамматических категорий» [2, с. 3].

Особое внимание лингвистов привлекает изучение лексических факторов в развитии морфологических вариантов того или иного слова. В современном русском языке вариантные флексии характерны для именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с общим значением лица, предмета и т. д. (*инженеры – инженера*), предложного падежа единственного числа с общим значением места (*в цехе – в цеху*), родительного падежа единственного числа существительных с вещественным и отвлеченным значением (*чая – чаю, шума – шуму*) (СТ). При этом особого рассмотрения заслуживает родительный падеж множественного числа (далее – род. мн.), поскольку активный процесс конкуренции форм, частотность употребления и разветвленная

система значений выделяют его на фоне всех прочих падежей, характеризующихся наличием словоизменительных вариантов. Зависимость форм род. мн. от лексико-семантических, структурных и морфологических признаков имен существительных приводит к противопоставленности род. мн. остальным падежным формам множественного числа. Как отмечает Э.А. Балалыкина, «образование форм в родительном падеже не связано ни с типом склонения, ни с родом, ни с одушевленностью, а регулируется иными условиями, которые позволяют считать этот падеж особым, достаточно четко противопоставленным всем прочим падежным формам множественного числа» [3, с. 14].

Образование форм род. мн. существительных часто вызывает затруднения, так как именно в этом падеже наряду со стандартными флексиями функционируют нестандартные или вариативные. «Русский человек, даже вполне грамотный, иногда становится в тупик, когда дело доходит до образования формы родительного падежа множественного числа некоторых существительных», – пишет Б.Н. Головин [4, с. 48].

Вариативность в образовании форм род. мн. в современном русском языке явилась следствием исторических преобразований в системе субстантивного словоизменения. Основная линия развития род. мн. заключается в ограничении сферы употребления нулевой флексии (исторически *-ь/-ь*) и, соответственно, расширении сферы функционирования окончаний *-ов*, *-ей* [5, с. 247]. Развитие флексии *-ов* в истории русского языка, как известно, связано с усилением роли грамматического рода: нулевая флексия последовательно заменяется маркированной в отношении рода флексией *-ов/-ев*. Сохранение род. мн. с нулевой флексией играет особую роль с точки зрения усиления процесса лексикализации отдельных форм словоизменения. Так описывает это явление С.И. Иорданиди: «Преобразование генетивных форм в истории русского языка последовательно осуществляется в одном направлении – в ограничении недифференцированного, вариантного употребления флексий *-ов* и *-ϕ* и установлении их лексического распределения» [5, с. 263]. При этом материал памятников начала старорусского периода свидетельствует о преимущественном употреблении форм родительного множественного на *-ϕ* в книжно-письменном языке в кругу лексем, имеющих отношение к религиозно-церковной сфере [5, с. 258]. Примеры сохранения нулевого окончания у лексем религиозно-церковного происхождения находим у различных авторов XVIII – XIX вв.: *Из источник извел быстры реки* (А.Д. Кантемир); *Средь бурей жизни и недуг* (К.Н. Батюшков); *К защитнице своих предел* (М.В. Ломоносов) [6, с. 153]. Приведенные примеры свидетельствуют о сохранении нулевой флексии в род. мн. у слов особой лексико-тематической группы.

В современном русском языке варианты окончания (*-ϕ* и *-ов*, *-ϕ* и *-ей*) в формах род. мн. характерны для существительных определенного фонетического облика и словообразовательной структуры: 1) это прежде всего существительные мужского рода с основой на твердый согласный (*бурят – бурятов*, *кадет – кадетов*, *носок – носков*, *баклажанов* и допустимое *баклажан*, *граммов* и в конструкциях с количественным значением род. мн. *грамм*) (СТ); 2) существительные среднего рода, оканчивающиеся в именительном единственном на *-ье* (*верховьев – верховий*, *низовьев – низовий*) (СТ); 3) существительные среднего рода с конечным *-це* в форме именительного падежа единственного числа

(*кружевцев – кружевец, копытцев – копытец*) (СТ); 4) существительные женского рода с основой на мягкий согласный или шипящий (*туфель* и разговорное *туфлей, простынь – простыней*) (СТ); 5) существительные группы pluralia tantum (*будней* и допустимое *буден, грабель – граблей*) (СТ).

Особо необходимо выделить многочисленные существительные мужского рода с основой на твердый согласный, в пределах словоизменительной парадигмы которых представлены варианты флексии. Нулевые словоформы существительных этой группы формируют ряды падежных омонимов, что способствует развитию общеизвестного аналитизма в языке: им. ед. *баклажан, носок, гусар* и род. мн. *баклажан, носок, гусар* (СТ). «Однако процесс развития аналитических отношений очень сложен и противоречив, – замечает В.В. Виноградов. – Ошибочны представления о его прямолинейном течении. И рост омонимии падежных форм не всегда ведет к ослаблению роли флексий. Напротив, развитие омонимии однородных падежных форм у разных флексийных типов существительных укрепляет унифицированную систему синтетического склонения» [7, с. 17]. Утверждение нулевой флексии связывается также с тенденцией к экономии речевых средств.

Существительные мужского рода с основой на твердый согласный, имеющие нестандартные или варианты флексии в род. мн., не выходят за пределы тех или иных лексико-тематических разрядов: это названия лиц по принадлежности к национальным группам и воинским соединениям, названия овощей и плодов, парных предметов, единиц измерения. Семантическое основание приведенной классификации было предложено С.П. Обнорским [6, с. 161]. Для лексем, входящих в перечисленные лексико-тематические группы, характерно употребление во множественном числе в сочетании с числительными, количественными наречиями и местоимениями, что является существенным свойством, ослабляющим соотносительность с родовой категорией и тем самым стимулирующим смешение типов склонения. Эта закономерность была отмечена В.М. Марковым: «Связь употребления форм родительного падежа, сохраняющих нулевое окончание, с выражением количественных значений является несомненной (ср., например, форму *человек*, употребляющуюся лишь в сочетании с числительными)» [8, с. 85]. По мнению Л.К. Граудиной, в количественно-именных сочетаниях наблюдается окаменение, лексикализация формы род. мн., в сочетании с числительными окаменевшая нулевая форма род. мн. используется, например, в предложном падеже [9, с. 208]. Л.К. Граудина замечает также, что в письменной и устной речи нулевая форма употребляется для выражения не только количественно-отделительного значения, но и определительного, причинно-целевого; кроме того, она используется при формах сравнительной степени или при выражении отрицания [9, с. 193]: *Я, например, уже умею варить: чай, кипяченое молоко, манную кашу, вермишель, бульон из потрошенной курицы, жарить яичницу из трех яиц, делать салат из помидор* (НКРЯ, Р. Карцев). Объяснением данному явлению может стать действие закона аналогии: частотные количественно-именные сочетания с нулевой флексией провоцируют такое же формообразование и во многих других случаях.

Реальное варьирование слова гораздо шире вариантности, отмечаемой словарями. Лексемы, активно взаимодействующие друг с другом и входящие в ука-

занные лексико-семантические группы, оказываются весьма продуктивными в современном русском языке, в чем можно убедиться при рассмотрении приводимого далее материала.

Названия лиц по принадлежности к национальным, племенным, этническим группам: *авар – аваров, бурят – бурятов, карел – карелов, мегрел – мегрелов, туркмен – туркменов* и др. (СТ). Общее понятие этноса в целом находит выражение в форме множественного числа, принятой в лексикографии в качестве исходной формы для этих существительных. Нулевая флексия рекомендуется словарями для этнонимов: *абазины, башкиры, грузины, лезгины, мадьяры, осетины, сарацины, уйгуры, хазары*; флексия *-ов* – для слов *адыги, бушмены, вандалы, галлы, гиляки, гольды, греки, казахи, калмыки, кельты, киприоты, киргизы, креолы, маньчжуры, монголы, персы, эскимосы* и др. (СТ).

Сохранение в указанной лексико-семантической группе архаической формы с нулевым окончанием в род. мн. объясняется «отчасти влиянием старой группы собирательных, как *татара* – род. *татар*, отчасти ассоциацией слов на *-анин, -арин*, имевших также в род. мн. формы без флексии (*татарин, славянин* – род. *татар, славян*)» [6, с. 169].

В данной группе может быть отмечена некоторая общая закономерность: названия, оканчивающиеся на *-цы*, имеют только форму *-ев* (*аргентинцев, итальянцев*), существительные на *-ане/-яне* имеют в род. мн. нулевое окончание (*англичан, датчан*).

Названия лиц по принадлежности к воинским соединениям: *гардемарин – гардемаринов, гренадер – гренадеров, гусар – гусаров, драгун – драгунов, кадет – кадетов, кирасир – кирасиров, улан – уланов, янычар – янычаров* и др. (СТ). Все отмеченные слова являются заимствованиями разных периодов: с XVI в. в словарях фиксируются наименования *кирасиры, янычары*, с XVII в. – *драгуны, кадеты, майоры*, с XVIII в. – *гардемарины, гренадеры, канониры, уланы* (ЭС, 1, 2, 4; ИЭС). Вариантные окончания характерны преимущественно для лексем, относящихся к пассивному словарному запасу: *...он уже являлся на воскресные обеды к бабушке стройным гардемарином в синей фланелевке с белыми погонами и красивыми золотыми якорями – отличие гардемарин морского корпуса* (НКРЯ, А.А. Игнатъев); *В присутствии гардемаринов, офицеров и команд командир аргентинского корабля приветствовал Макарова...* (НКРЯ, Б.Г. Островский). Широко употребительные в современном русском языке наименования *генералы, майоры, саперы, солдаты* не испытывают колебаний при образовании форм род. мн. За более ранним заимствованием *солдат* (XII в.) закрепилась нулевая флексия, за более поздними *сапер* (XVIII в.), *генерал* и *майор* (XVII в.) – окончание *-ов*.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова предлагается следующий принцип разграничения вариантных форм: при выражении собирательного значения рекомендуется форма с нулевым окончанием, при обозначении отдельных лиц – форма с окончанием *-ов* (род. мн. *гардемарин, гусар* при собирательном значении и *гардемаринов, гусаров* при обозначении отдельных лиц) (ТС). Однако в художественных и публицистических текстах встречаются примеры, нарушающие данную закономерность: *...и вице-президент из небесных гусар*

с денисодавыдовскими усами, с грудью, открытой для пуль и объятий (НКРЯ, Е. Евтушенко).

Названия овощей, плодов и других продуктов питания: баклажанов и допустимое род. мн. баклажан, абрикосов, апельсинов, помидоров и не рекомендуемые словарями разговорные варианты род. мн. абрикос, апельсин, помидор (СТ). Лексемы, относящиеся к рассматриваемой группе, являются достаточно поздними заимствованиями (в основном XVIII в.), из которых самым ранним, не испытывающим колебаний в количественных сочетаниях является лимон (XVI в.): *Мы привезли лимоны, – обнадежил его я. – Очень много лимонов* (НКРЯ, А. Лазарчук, М. Успенский). Следует отметить, что более поздние заимствования еще сохраняют родовую вариативность, характерную для русского языка раннего периода, что способствует смещению типов склонения: баклажан, артишок и баклажана, артишока (устаревшие формы женского рода); абрикос, помидор и абрикоса, помидора (просторечные родовые варианты) (СГВ).

Словоизменительные варианты в данной семантической группе обнаруживают определенную зависимость от значения род. мн. и характера словосочетаний. Варианты с нулевой флексией характерны для партитивного значения род. мн. и реализуются обычно в стандартных количественных сочетаниях (*килограмм мандарин*). При обозначении же отдельных, считаемых предметов, как и в иных объектных словосочетаниях, наиболее типичным представляется употребление вариантов на *-ов* (*пять апельсинов, запах апельсинов*). Эта синтаксическая дифференциация была отмечена еще С.П. Обнорским [6, с. 161], который писал о сохранении старых форм с нулевыми флексиями в сочетании с числительными или словами с количественным значением при выражении множественности.

Названия предметов, состоящих из двух частей: ботов, рельсов и допустимые формы род. мн. бот, рельс и др. (СТ).

Принадлежность к определенному грамматическому роду у этих слов несколько затемнена, что вызывает родовую вариативность лексем и усиливает смещение типов склонения: клипс, кед и разговорные варианты клипса, кеда (БТС); валенок и просторечное валенка (СГВ); ботфорт, погон, рельс и устаревшие родовые варианты ботфорта, погона, рельса (БТС).

Практически не отмечается варьирование флексий в род. мн. у старых русских слов (*валенки, сапоги*), принявших в качестве императивной нормы в современном русском языке вариант с нулевой флексией. Форма *сапогов* встречается в литературе конца XIX в. и в произведениях старшего поколения писателей XX в.: *...вздыхнул благолепный Сергей Сергеич, старательно обходя лужицы, чтобы не запачкать своих ярко вычищенных сапогов* (НКРЯ, А.П. Чехов).

На уровне разговорной речи быстро осваивают нулевую флексию заимствования XX в. – *джинсы, кеды*: *А голубых джинс на бедрах здесь и вовсе как грязи по осени* (НКРЯ, М. Ермакова // Труд-7, 30.04.2001); *Ему помогли выбраться на берег, он вылил из кед воду, разделся и развесил одежду на мокром от дождя ивовом кусте* (НКРЯ, Б. Левин).

Названия единиц измерения (электрических, биофизических, магнитных, денежных): амперов, аршинов, вольтов, каратов, кулонов и в количественном значении ампер, аршин, вольт, карат, кулон и т. д. (СТ).

С.П. Обнорский первым обратил внимание на вариативность род. мн. у единиц измерения: нулевую форму он рассматривал в ряду неправильностей современного русского литературного языка [10, с. 241]. В литературный язык XX в. нулевая форма род. мн. проникла из профессиональной речи. На степень освоенности вариантов с нулевой флексией влияют различные факторы. По фонетическим причинам не закрепилась нулевая форма род. мн. *акр*. Возможно, что сравнительно большая употребительность им. ед. *гектар*, *литр*, *метр* способствовала закреплению флексии *-ов* в форме род. мн.

Интересно, что семантические производные и омонимы к исследуемым лексемам принимают исключительно флексию *-ов* в род. мн.: *аршинов* (в значении 'мерная линейка'), *вольтов* (в значении 'крутой круговой поворот в манежной езде'), *кулонов* (в значении 'шейное украшение с камнями') (СТ).

Распространение нулевой флексии в род. мн. у названий единиц измерения сдерживает существующая редакторская цензура средств массовой информации. В середине шестидесятых годов в записях устной речи в род. мн. у слов мужского рода указанной лексико-семантической группы господствующей была нулевая флексия. В современной речи бытовые единицы измерений веса *грамм*, *килограмм* употребляются в подавляющем большинстве случаев с нулевой флексией: *Прописываю тебе Spiritus vini три раза в день по сто пятьдесят грамм*. <...> *Павел Алексеевич наливал точнехонько сто пятьдесят грамм в стакан и укладывал толстый кусок сала на грузный ломоть хлеба...* (НКРЯ, Л. Улицкая).

Существительные группы Pluralia tantum и слова, употребляющиеся преимущественно во множественном числе. Нулевая форма в род. мн. рекомендуется для слов: *брызг*, *бубен* (карточная масть), *буф*, *горелок* (игра), *именин*, *каникул*, *кастаньет*, *катакомб*, *колик*, *косм*, *крестин*, *лат*, *литавр*, *мириад*, *потемок*, *сумерек*, *хором*, *шахмат*, *шпрот* (СТ). Отсутствие форм единственного числа у лексем группы Pluralia tantum (и, следовательно, невозможность определить тип склонения) закономерно порождает вариантность в род. мн.: *С наступлением сумерек начинаются концерты, а ровно в девять вечера – всеобщая молитва* (НКРЯ, А. Иашвили // Известия, 06.11.2007); *А главное, ради чего, собственно, я и пишу эти строки – у партий и движений патриотического спектра возможность выйти из сумерков, куда их десятилетиями загоняли власти* (НКРЯ, Новый регион 2, 20.12.2007).

Исследуемый материал иллюстрирует активное взаимодействие лексики и грамматики в формообразовании род. мн., который по целому ряду указанных выше причин выделен на фоне всей парадигмы и заслуживает особого внимания при изучении современного русского словоизменения.

Summary

E.S. Pan'kova. Lexicon and Grammar Interaction in Forms of Genitive Case in Plural.

The article is devoted to the role of lexical factors in the development of alternative genitive case forms of Russian nouns in plural forms. Some lexical-topical groups of nouns are studied which brightly reflect this interaction.

Key words: genitive case, lexical-topical groups of nouns, alternativeness of inflexions.

Источники

- БТС – *Скворцов Л. И.* Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. – М.: Оникс, 2009. – 1104 с.
- СГВ – *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Словарь грамматических вариантов русского языка. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 555 с.
- СТ – *Еськова Н.А.* Краткий словарь трудностей русского языка: грамматические формы: ударение: ок. 12 000 слов совр. рус. яз. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 605 с.
- ТС – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
- ЭС – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986.
- ИЭС – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1999.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Рус. яз., 2001. – 718 с.
2. Грамматическая лексикология русского языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 189 с.
3. *Балалыкина Э.А.* Грамматические «тупики» в современном формообразовании // Русская и сопоставительная филология: концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты: Материалы итог. науч. конф. / Отв. ред. Н.А. Андромонова. – Казань: Унипресс, 2002. – С. 14–15.
4. *Головин Б.Н.* Как говорить правильно: Заметки о культуре русской речи. – М.: Высш. шк., 1988. – 160 с.
5. *Иорданиди С.И.* Из истории форм родительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исслед., 1988–1990: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.В. Иванов. – М.: Наука, 1993. – С. 246–266.
6. *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2: Множественное число. – Л.: Изд-во АН СССР, 1931. – 411 с.
7. *Виноградов В.В.* О грамматической омонимии в современном русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 13–32.
8. *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка: именное склонение. – М.: Высш. шк., 1974. – 143 с.
9. *Граудина Л.К.* О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 181–209.
10. *Обнорский С.П.* Правильности и неправильности современного русского литературного языка // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1944. – Т. 3, Вып. 6. – С. 233–250.

Поступила в редакцию
21.12.09

Панькова Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры современного русского языка Казанского государственного университета.
E-mail: ekaterina-kzn@yandex.ru